

Особенности персонального пенсионирования родственников выдающихся граждан в довоенные годы

О. В. Капустина

Для цитирования: Капустина О. В. Особенности персонального пенсионирования родственников выдающихся граждан в довоенные годы // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2021. Т. 66. Вып. 2. С. 404–420. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2021.205>

В статье рассмотрена практика назначения персональных пенсий по случаю потери кормильца родственникам выдающихся деятелей российской культуры, науки и революционного движения, имевших общесоюзную известность в 1920–1930-х гг. Основными источниками исследования стали хранящиеся в Государственном архиве Российской Федерации пенсионные дела, по которым производилась выплата пенсий, и индивидуальные дела, заведенные по заявлениям отдельных лиц, поступившим в Секретариат Президиума ЦИК Союза ССР по вопросам назначения пенсий и находившимся в стадии рассмотрения. В частности, в архивных материалах имеется информация о пенсионном обеспечении потомков и родственников Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского, Н. Г. Чернышевского, М. И. Глинки, а также Ф. Э. Дзержинского. Исследуемые документы содержат описание трудностей, выпавших на их долю в первые десятилетия советской власти, в основном связанных со здоровьем, питанием и жильем. Автором сделан вывод о том, что круг родственников выдающихся граждан, имеющих общегосударственную известность, был значительно шире круга, предусмотренного для «обычных» получателей персональных пенсий, и включал наряду с несовершеннолетними детьми, братьями и сестрами, супругами и родителями взрослых братьев, сестер, внуков и племянников. При этом иждивение претендентов на пенсию по отношению к умершим кормильцам как получение от них постоянного содержания на момент смерти доказывалось не всегда. Отсутствие иждивения у детей, внуков и племянников выдающихся деятелей культуры, искусства и революционного движения компенсировалось их собственными трудами и личным вкладом в сохранение памяти о своих именитых родственниках: написанием воспоминаний, участием в подготовке их собраний сочинений, работой в музеях или предоставлением музеям личных вещей умерших. В итоге персональное пенсионное обеспечение по случаю потери кормильца стало одним из способов чтить память лиц, имеющих исключительные заслуги перед Советской республикой.

Ключевые слова: персональное пенсионное обеспечение, заслуги перед государством, потеря кормильца, потомки и родственники, ходатайство о назначении пенсии, круг получателей пенсии, нетрудоспособность, иждивение.

Ольга Владимировна Капустина — канд. ист. наук, начальник отдела, Управление Пенсионного фонда Российской Федерации в г. Гусь-Хрустальном Владимирской области, Российская Федерация, 601501, Владимирская обл., Гусь-Хрустальный, Красноармейская ул., 25; olga.kapustina209@yandex.ru

Olga V. Kapustina — PhD (History), Head of Section, Management of the Pension Fund of the Russian Federation in the city of Gus-Khrustalny of the Vladimir region, 25, Krasnoarmeyskaya ul., Gus-Khrustalny, Vladimir region, 601501, Russian Federation; olga.kapustina209@yandex.ru

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2021

For citation: Kapustina O. V. Pre-war Personal Pensions for Relatives of Prominent Citizens. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2021, vol. 66, issue 2, pp. 404–420.
<https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2021.205> (In Russian)

The article is devoted to the practice of awarding a personal pension on the occasion of the loss of a breadwinner to the relatives of people outstanding in the sphere of culture, science and revolutionary movement in the period of 1920–1930. The main sources for analysis include the pension documents kept in the State archive of the Russian Federation as well as the personal cases on the issue of granting pensions being in the process of consideration. In particular, the archival documents revealed information concerning the pension provision of the relatives and inheritors of L. Tolstoy's, F. Dostoevsky's, N. Chernyshevsky's, M. Glinka's, and F. Dzerzhinsky's. The documents in questions describe the difficulties they faced during the early decades of the Soviet period. A special emphasis in the applications is placed on health problems as personal pensions were granted only to disabled or elderly citizens. The author underlines that the number of relatives of outstanding people was more numerous than the one of ordinary people receiving personal pensions. It included not only minor children, brothers, sisters, spouse and parents, but adult grandchildren, nephews and nieces. It is noteworthy that the dependence of the applicants on the deceased breadwinners was not always proved. The results of the research indicate that awarding a personal pension for the loss of a breadwinner became one of the means to honor the memory of those who provided outstanding service to the Soviet Republic.

Keywords: personal pension provision, services to the state, loss of breadwinner, descendants and relatives, application for pension, range of pension recipient, disability, dependence.

Пристальное внимание к родным и близким великих людей оправданно. Как справедливо замечает И. И. Судницын: «История гения продолжается сегодня не только в его научных и художественных творениях, но и в его потомках»¹. Эту же мысль можно отнести к потомкам выдающихся политиков и общественных деятелей. Естественно, судьбы родных и близких наших именитых соотечественников в настоящее время все больше и больше привлекают внимание исследователей: ученые устанавливают новые факты из их биографий, изучают творческое наследие, для чего используют ранее неизвестные источники. Задача данного исследования — изучение документов о персональном пенсионном обеспечении в 1920–1930-е гг. потомков и родственников наиболее ярких представителей литературной, музыкальной, художественной и революционной элиты, имевших общегосударственную известность, с целью выявления особенностей названного вида пенсионирования, распространяемых именно на данную категорию получателей.

Среди последних публикаций, посвященных родственникам тех знаменитостей, которые будут упомянуты в исследуемых нами документах, можно назвать статьи Л. Ф. Подсвировой о потомках Л. Н. Толстого — участниках Первой мировой войны; И. С. Андриановой о роли А. А. Достоевского в защите памяти великого

---

¹ Судницын И. И. Живое древо: в год русской истории о потомках М. В. Ломоносова // Пространство и время. 2012. № 4. С. 120.

писателя от обвинений Н. Н. Страхова; П. П. Послушаева о деятельности Н. М. Чернышевской; О. Н. Наумова о взаимоотношениях рода Пушкиных и советской власти в 1920–1930-х гг.; Н. Г. Мацневой и И. С. Ратьковского о судьбах представителей родов Поленовых и Дзержинских².

Прежде чем перейти к непосредственному анализу анонсированных документов, нужно обратить внимание на следующее: в 1920–1930-х гг. пенсионное обеспечение в силу экономических причин большинству советских граждан было недоступно. Советская пенсионная система создавалась исходя из первоочередных государственных задач с учетом имеющихся финансовых возможностей. В первую очередь государственными пенсиями по инвалидности обеспечивались участники Гражданской и Первой мировой войн, а также нетрудоспособные рабочие (крестьяне находились вне государственной пенсионной системы до 1965 г.). Семьям умерших, погибших или пропавших без вести рабочих, красноармейцев и даже «староармейцев» могли быть назначены пенсии по случаю потери кормильца (СПК). Ликвидация неграмотности и необходимость развития профессионального образования потребовали пенсионного обеспечения для ученых (с 1924 г. введены «академические» пенсии) и учителей (с 1925 г. назначаются пенсии за выслугу лет). Социалистическая индустриализация в конце 1920–1930-х гг. обусловила появление пенсионного обеспечения по старости сначала для рабочих, а затем и для служащих важнейших отраслей народного хозяйства. Однако, несмотря на постоянное увеличение числа пенсионеров, или, как тогда говорили, «пенсионных единиц», в целом их количество было небольшим. На начало 1941 г. в Советском Союзе пенсии получали 4 млн человек³ при общем количестве жителей не менее 190,7 млн (в 1939 г. — 170,6 млн чел. — численность по переписи 17 января и, кроме этого, по официальной оценке, 20,1 млн жителей присоединенных территорий Прибалтики, Молдавии, западных областей Белоруссии и Украины)⁴.

Для материальной поддержки нетрудоспособных граждан, чьи труды или подвиги признавались наиболее значимыми для Советского государства, уже в первые годы его существования было введено особое пенсионное обеспечение: в июле 1920 г. Совет народных комиссаров (СНК) РСФСР издал декрет «О пенсиях лицам, имеющим особые заслуги перед рабоче-крестьянской революцией»⁵, в де-

² Подсвинова Л. Ф. Военные дороги потомков Л. Н. Толстого в 1914–1918 гг. // Отраденские историко-краеведческие чтения. Вып. II: Материалы межрегиональной научно-просветительской конференции Казаки и горцы Северного Кавказа в Первой мировой войне 1914–1918 гг. Армавир-Отрадная, 2014. С. 27–31; Андрианова И. С. «Клеветы Страхова», или протест вдовы и племянника Достоевского // Неизвестный Достоевский. 2015. Т. 2, № 3. С. 84–95; Послушаев П. П. «Моим горячим желанием было, есть и будет...» Из переписки Н. М. Чернышевской с отечественными историками. 1946–1972 гг. // Исторический архив. 2011. № 3. С. 105–109; Наумов О. Н. Пушкины и советская власть (опыт социогенеалогического дискурса) // Клио. 2017. № 5. С. 105–114; Мацнева Н. Г. Поленовы — юристы, художники, академики // Петербургский юрист. 2017. № 3. С. 151–162; Ратьковский И. С. Корни «Железного Феликса»: к вопросу о происхождении Ф. Э. Дзержинского // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. 2015. № 3. С. 13–22.

³ Народное хозяйство в СССР в 1980 году: статистический ежегодник. М., 1981. С. 411.

⁴ Народное хозяйство в СССР в 1960 году: статистический ежегодник. М., 1961. С. 9.

⁵ О пенсиях лицам, имеющим особые заслуги перед рабоче-крестьянской революцией: Декрет СНК РСФСР от 16 июля 1920 г. // Собрание узаконений РСФСР (далее СУ РСФСР). 1920. № 66. Ст. 300.

кабре следующего 1921 г. — декрет «Об усиленных пенсиях»⁶. С февраля 1923 г. в РСФСР стали назначаться персональные пенсии⁷, а уже с мая 1928 г. параллельно с республиканским персональным обеспечением⁸ начала создаваться система общесоюзных персональных пенсий⁹. По мнению М. С. Братановской, появление института персонального пенсионного обеспечения следует относить именно к периоду Гражданской войны¹⁰. В итоге в каждой республике СССР проживали персональные пенсионеры союзного, республиканского и местного значения, при этом общесоюзное пенсионное обеспечение предполагало наибольший перечень льгот; поэтому дела ряда пенсионеров, в 1920-х гг. получавших республиканские пенсии, в конце 1930-х гг., а иногда в начале 1940-х гг. были пересмотрены с целью предоставления приоритетного союзного обеспечения. В настоящей статье речь пойдет именно о персональных пенсиях российского республиканского и общесоюзного значения.

Персональные пенсии назначались за исключительные заслуги перед республикой и Советским Союзом в области революционной и профессиональной деятельности, а также в сферах науки, искусства и техники. Прекращение их выплаты могло последовать в случае лишения получателей избирательных прав или в результате вынесения судебных приговоров, прямо предусматривающих лишение права на пенсию.

В случае смерти выдающихся граждан, как уже имеющих статус персонального пенсионера, так и не успевших его получить, их родственникам могло быть предоставлено персональное пенсионное обеспечение по случаю потери кормильца.

И советские, и современные исследователи одной из основных характеристик персонального пенсионного обеспечения считают его субъективизм. С мнением А. Карцхия, высказанным в 1968 г. о том, что законодательство не предусматривало «объективных критериев, определяющих, какие именно заслуги должны считаться особыми или выдающимися для установления персональной пенсии тому или иному лицу»¹¹, сегодня соглашается И. В. Сивакова, подчеркивающая, что «сам термин “особые заслуги” и “заслуги” был достаточно неопределенным»¹². По утверждению В. Н. Мамяченкова, «упорядоченного персонального пенсионирования... в стра-

---

⁶ Об усиленных пенсиях: Декрет СНК РСФСР от 5 декабря 1921 г. // СУ РСФСР. 1921. № 80. Ст. 697.

⁷ О персональных пенсиях лицам, имеющим исключительные заслуги перед республикой: Декрет СНК РСФСР от 16 февраля 1923 г. // СУ РСФСР. 1923. № 15. Ст. 198.

⁸ Положение об обеспечении персональными пенсиями лиц, имеющих исключительные заслуги перед республикой: Постановление ВЦИК, СНК РСФСР от 21 мая 1928 г. // СУ РСФСР. 1928. № 56. Ст. 420; Положение об обеспечении персональными пенсиями лиц, имеющих исключительные заслуги перед республикой: Постановление ВЦИК, СНК РСФСР от 20 мая 1930 г. // СУ РСФСР. 1930. № 25. Ст. 325.

⁹ О персональных пенсиях: Постановление ЦИК СССР, СНК СССР от 30 мая 1928 г. // Собрание законов СССР (далее СЗ СССР). 1928. № 35. Ст. 315.

¹⁰ Братановская М. С. Правовая организация управления социальным обеспечением в СССР в довоенный период (1918–1941 гг.) // История государства и права. 2010. № 19. С. 7.

¹¹ Карцхия А. Правовые вопросы персональных пенсий по старости // Вопросы социального обеспечения. 1968. Вып. II. С. 68.

¹² Сивакова И. В. Пенсионное законодательство в России в советский период (1917 г. — 1928 г.). М., 2015. С. 57.

не не было до 1956 г.»¹³, когда был введен в действие Закон «О государственных пенсиях»¹⁴, ставший юридической основой системы всеобщего государственного пенсионного обеспечения.

В результате анализа советского пенсионного законодательства периода новой экономической политики И. В. Сивакова главной отличительной чертой пенсионного обеспечения за выдающиеся заслуги назвала существенно повышенные нормы обеспечения по сравнению с остальными видами пенсий¹⁵. Действительно, по постановлению от 16 февраля 1923 г. размер персональных пенсий определялся в пределах до двойной высшей тарифной ставки ответственных советских и профессиональных работников по месту жительства лица, получающего пенсию. Подтверждение тезиса И. В. Сиваковой находим в следующем сравнении: по сообщению наркома социального обеспечения РСФСР И. А. Наговицына, сделанному в марте 1928 г., средняя норма персональной пенсии составляла 55 руб. в месяц, притом что средние нормы пенсий для инвалидов 2-й группы равнялись 14 руб. 37 коп., а для семей военнослужащих — 14 руб. 21 коп.¹⁶ Постановлением Центрального исполнительного комитета (далее ЦИК) и СНК СССР от 1925 г. пенсия за выслугу лет учителям школ 1-й ступени, оставившим службу, устанавливалась в размере 240 руб. в год¹⁷, то есть 20 руб. в месяц. Продолжившие работать педагоги получали половину суммы, или 10 руб.

Анализируя советскую систему привилегий, британский историк М. Метьюз включает в нее персональные пенсии, подчеркивая их необычайный престиж¹⁸. С его мнением можно согласиться. Во-первых, контингент получателей персональных пенсий был весьма ограничен. По сведениям упомянутого выше доклада И. А. Наговицына, общее количество пенсионеров в РСФСР, включая автономные республики, в 1927–1928 гг. достигло 240 тыс. единиц, из них персональные пенсии получали всего 7 тыс. (2,92 %). Впрочем, это округленные данные. Приведенные наркомом конкретные цифры по категориям персональных пенсионеров — 3330 революционеров, 1400 военных работников, 1615 советских, профсоюзных и общественных работников, 945 научных работников¹⁹, итого 7290 человек. Во-вторых, статус персонального пенсионера предоставлял возможность пользоваться целым рядом дополнительных льгот и преимуществ: 50 % оплаты занимаемой жилой площади; освобождение от налогов со строений и скота; бесплатная медицинская и протезная помощь; внеочередной прием детей во все учебные заведения (низшие, средние и высшие) и т. д.²⁰

¹³ *Мамяченков В. Н.* Персональные пенсии в СССР: из истории социальной политики Советского государства // Научный диалог. 2018. № 12. С. 395.

¹⁴ О государственных пенсиях: Закон СССР от 14 июля 1956 г. // Ведомости ВС СССР. 1956. № 15. Ст. 313.

¹⁵ *Сивакова И. В.* Пенсионное законодательство в России... С. 92.

¹⁶ *Наговицын И.* Социальное обеспечение в РСФСР // Известия. 1928. 31 марта.

¹⁷ О пенсионном обеспечении учителей школ 1 ступени сельских и городских и др. работников просвещения в деревне: Постановление ЦИК и СНК СССР от 15 января 1925 г. // СЗ СССР. 1925. № 3. Ст. 32.

¹⁸ *Метьюз М.* Становлением системы привилегий в Советском Союзе // Вопросы истории. 1992. № 2–3. С. 58.

¹⁹ *Наговицын И.* Социальное обеспечение в РСФСР.

²⁰ Положение об обеспечении персональными пенсиями лиц, имеющих исключительные заслуги перед республикой: Постановление ВЦИК, СНК РСФСР от 20 мая 1930 г. Ст. 325.

Итак, право на пенсию по СПК устанавливается сейчас и устанавливалось ранее «при наличии сложного юридического состава, включающего по общему правилу следующие юридические факты: потеря физического лица (кормильца); принадлежность к членам его семьи; нетрудоспособность члена семьи; его иждивенство»²¹.

Основными источниками данной работы стали хранящиеся в Государственном архиве Российской Федерации пенсионные дела, по которым уже производилась выплата пенсий, и индивидуальные дела, заведенные по заявлениям отдельных лиц, поступившим в Секретариат Президиума ЦИК Союза ССР по вопросам назначения пенсий и находившимся только в стадии рассмотрения. В названных делах имеются ходатайства об установлении пенсий от официальных организаций, рекомендательные письма от посредников, лично знавших претендентов, в некоторых — заключения консультантов о возможности назначения пенсий, а также выписки из протоколов заседаний Секретариата ЦИК СССР, в которых отражены решения по рассмотренным ходатайствам, а также справки комиссии по установлению персональных пенсий и личные карты, содержащие сведения о размерах назначенных пенсий и сроках их выплаты (набор документов варьируется). Чтобы в условиях дефицита пенсионного обеспечения обрести на него право, приходилось приводить существенные доводы, поэтому исследуемые документы всегда содержат описание бедственного положения претендентов, в основном проблем, связанных со здоровьем, питанием и жильем.

Интересно, что пятая опись фонда А539 «Комиссия по установлению персональных пенсий при Совете Министров РСФСР» называется «Дела персональных пенсионеров республиканского значения за 1923–1969 гг.». Среди пенсионеров, в частности, названы Л. Н. Толстой, Н. Г. Чернышевский и Ф. Э. Дзержинский. При этом заслуги автора романа «Что делать?» в личной карте получателя персональной пенсии определялись так: «Чернышевский Николай Гаврилович, известный гениальный писатель-революционер, замученный преследованиями царизма»²², а заслуги Феликса Эдмундовича — «Председатель ОГПУ, нарком ВСНХ, член ЦК ВКП(б) и политбюро ЦК ВКП(б)»²³. Здесь нужно заметить, что должности Ф. Э. Дзержинского в названном документе отражены некорректно: с 6 февраля 1922 г. он был назначен председателем Государственного политического управления при Народном комиссариате внутренних дел РСФСР, с 15 ноября 1923 г. — председателем коллегии Объединенного государственного политического управления при СНК СССР, со 2 февраля 1924 г. — председателем Высшего совета народного хозяйства СССР, а с 1 января 1926 г. избран кандидатом в члены Политбюро Центрального комитета ВКП(б)²⁴.

²¹ Азарова Е. Г. Пенсионное обеспечение детей, потерявших кормильца, особенности правового регулирования // Журнал российского права. 2017. № 8. С. 115.

²² Личная карта лица, испрашивающего назначение персональной пенсии или пособия Комиссии по назначению персональных и академических пенсий при СНК РСФСР [за заслуги Н. Г. Чернышевского] // ГАРФ. Ф. А539. Оп. 5. Д. 33. Л. 1.

²³ Личная карта инвалида, испрашивающего назначение персональной пенсии или пособия Центральной комиссии по назначению персональных пенсий и пособий НКСО [за заслуги Ф. Э. Дзержинского] // Там же. Д. 28. Л. 1.

²⁴ Кредов С. А. Дзержинский. М., 2013. С. 355.

Прежде всего, приняв как данность смерть выдающихся граждан, необходимо определить круг получателей пенсий за их заслуги. Декрет СНК 1923 г. не перечисляет всех возможных претендентов на пенсионное обеспечение, ограничиваясь лаконичным постулатом: «В случае смерти лица, имеющего право на персональные пенсии, семье умершего выдается: при одном нетрудоспособном — половина, при двух — две трети, при трех и более — полная пенсия, которую получил или мог бы получить умерший»²⁵. Республиканское положение 1928 г. уже четко очерчивает круг лиц, подлежащих обеспечению персональными пенсиями и пособиями. Прежде всего это дети, а также братья и сестры умершего до достижения ими 16-летнего возраста. Учащимся срок получения пенсии мог быть продлен до окончания учебного заведения. В случае, если дети, братья или сестры утрачивали трудоспособность до 16 лет, пенсия назначалась им вне зависимости от возраста. Следующая группа лиц, имеющих право на пенсию по СПК, — это нетрудоспособные родители и супруги умерших, отнесенные к первым трем группам инвалидности (до 1932 г. в СССР при оценке тяжести инвалидности применялась шести- и пятигрупповая система). Также в очерчиваемый круг включались трудоспособные супруги умерших кормильцев, занятые уходом за их малолетними детьми, которые еще не достигли 8-летнего возраста. Через два года в мае 1930 г. новым постановлением Всероссийского центрального исполнительного комитета (ВЦИК) и СНК РСФСР²⁶ возраст детей-получателей был поднят до 18 лет. В случае продолжения ими обучения выплата пенсии могла быть продлена до 25 лет. Для родителей и супругов умерших кормильцев возможность получения пенсии была привязана к достижению 60-летнего возраста у мужчин и 55-летнего — у женщин или к признанию их надлежащим образом нетрудоспособными, иначе говоря, инвалидами. Кроме этого, трудоспособные родители или супруги опять-таки могли получать на себя пенсию, если были заняты уходом за детьми, братьями и сестрами умершего, не достигшими 8-летнего возраста и находившимися у него на иждивении.

В союзном постановлении того же 1930 г. возраст нетрудоспособных детей, братьев и сестер был сразу же установлен на уровне 18 лет, а учащихся — до достижения ими 25-летнего возраста. Далее постановление говорит о возможности назначения пенсий «прочим лицам — согласно особому в каждом случае постановлению Совета народных комиссаров Союза ССР»²⁷ без какой-либо детализации.

Итак, в период с 1923 по 1928 г. круг возможных получателей республиканских пенсий законодательно не уточнен, лишь ограничен словом «семья». С 1928 г., напротив, весьма конкретизирован. Союзное законодательство вновь оставило простор для произвольных решений. Тем не менее основными получателями персональных пенсий по СПК, которые не имели общегосударственной известности, являлись дети умерших (погибших, пропавших без вести) кормильцев, их нетрудоспособные жены, престарелые родители и изредка малолетние братья и сестры. Этот вывод сделан автором на основе большинства проанализированных сведений (личные карты, дела персональных пенсионеров и протоколы заседаний Централь-

²⁵ О персональных пенсиях лицам, имеющим исключительные заслуги перед республикой. Ст. 198.

²⁶ Положение об обеспечении персональными пенсиями лиц, имеющих исключительные заслуги перед республикой: Постановление ВЦИК, СНК РСФСР от 20 мая 1930 г. Ст. 325.

²⁷ О персональных пенсиях: Постановление ЦИК СССР, СНК СССР от 30 мая 1928 г. Ст. 315.

ной комиссии по назначению персональных пенсий за 1923–1925 гг., находящиеся в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ); а также пенсионные дела, назначенные во Владимирской губернии в период с 1923 г. до ее ликвидации в 1929 г., хранящиеся во Владимирском областном архиве). Вот несколько характерных примеров: умерший в 1903 г. народоволец В. Н. Шаганов (пенсия дочери 1886 г. р.)²⁸; погибший от рук черносотенцев в 1905 г. революционер М. И. Лакин (пенсия матери 1855 г. р.)²⁹; начавший революционную работу с 1861 г. брат П. А. Кропоткина — А. А. Кропоткин (в документе в соответствии с дореволюционной традицией написано «Крапоткин») (пенсия вдове)³⁰; «зверски истерзанный бело-бандами» стрелочник Омских железнодорожных мастерских К. Ф. Никулин (пенсия вдове 1871 г. р. и сыну 1915 г. р.)³¹. Перечисленные в том числе и брат П. А. Кропоткина, и член Ишутинского кружка В. Н. Шаганов, и М. И. Лакин, именем которого сначала назовут рабочий поселок (1927 г.) во Владимирской губернии, а затем и небольшой город (1969 г.) уже во Владимирской области, — это лица, значимые для Советского государства, но неизвестные широкой общественности. Персональные пенсии по СПК назначались детям и женам более именитых граждан: Александру Златовратскому — сыну писателя-народника Н. Н. Златовратского (ум. 1911 г.)³², вдовам художников В. Д. Поленова (ум. 1927 г.)³³ и К. С. Петрова-Водкина (ум. 1939 г.)³⁴.

Теперь обратимся к другим документам. В ноябре 1935 г. в Секретариат ЦИК СССР поступило письмо, подписанное девятнадцатью народными артистами и заслуженными деятелями искусств (в том числе Неждановой, Качаловым, Книппер-Чеховой, Немировичем-Данченко, Москвиным), в котором излагались следующие факты: «20 ноября 1935 г. исполняется 25 лет со дня смерти Льва Николаевича Толстого. Эта знаменательная годовщина, как известно, отмечается Правительством и советской общественностью целым рядом мероприятий... Между тем случилось так, что ни в 1928 году в связи со столетием со дня рождения Толстого, ни теперь в круг мероприятий не включен один пункт, который представляется нам очень насущным. Мы имеем в виду улучшение жизненных условий трех ближайших родственников Льва Николаевича. Все они находятся в Москве. Старший сын Льва Николаевича, Сергей Львович Толстой. Ему уже 72 года. Он с семьей (жена, сын, невестка, воспитанник) живет в общей перенаселенной квартире ветхого особняка, занимая три комнаты. Пенсию он получает только в размере 150 рублей... Внучка Толстого — Анна Ильинична Толстая-Попова. Болеет циклотимией и ревматизмами, живет в очень плохих жилищных условиях, занимая две комнаты в подвале (вместе с мужем и престарелым дядей). Пенсии А. И. Толстая не получает... Внуч-

²⁸ Дело персонального пенсионера Матвеевой Н. В. // Государственный архив Владимирской области (далее ГАВО). Ф. Р1166. Оп. 2. Д. 262. Л. 1–12.

²⁹ Дело персонального пенсионера Лакиной Ф. Н. // ГАВО. Ф. Р1166. Оп. 2. Д. 259. Л. 1–7.

³⁰ Протокол 1 Заседания Центральной Комиссии по назначению персональных пенсий и пособий от 12 января 1925 г. // ГАРФ. Ф. Р5528. Оп. 1. Д. 2. Л. 50б.

³¹ Личная карта семьи, испрашивающей назначение персональной пенсии или пособия [за заслуги К. Ф. Никулина] // ГАРФ. Ф. А413. Оп. 7. Д. 59. Л. 1.

³² Дело персонального пенсионера Н. Н. Златовратского // ГАРФ. Ф. А539. Оп. 6. Д. 997. Л. 1–37.

³³ Дело персонального пенсионера В. Д. Поленова // ГАРФ. Ф. Р3316. Оп. 32. Д. 251. Л. 3–4.

³⁴ Дело персонального пенсионера К. С. Петрова-Водкина // ГАРФ. Ф. А539. Оп. 1. Д. 1121. Л. 7 об.

ка Толстого — Софья Андреевна Толстая-Есенина. Живет с матерью и племянником в стесненных жилищных условиях, занимая всей семьей две комнаты в общей квартире. Пенсии не получает, здоровья крайне слабого, что связано с болезнью сердца»³⁵.

Не менее печальные сведения содержатся в деле (1935 г.) еще одной внучки почитаемого в СССР писателя — Н. Г. Чернышевского — Н. М. Чернышевской-Быстровой, которая, как сообщал В. Д. Бонч-Бруевич в своем обращении к А. С. Енукидзе: «...имеет троих детей. К сожалению, ее муж недавно умер от сыпного тифа, приехав из командировки, куда был послан местными властями. Ее муж тоже был литератор и служил на советской службе»³⁶. К общему перечню несчастий следует добавить две недавно перенесенные Ниной Михайловной операции, ставшие причиной ее инвалидности.

Продолжая тему внуков, нужно сказать, что в фондах ГАРФ автору встретилась краткая информация о слушании в Секретариате ВЦИК СССР 15 апреля 1933 г. ходатайств, поступивших от внуков А. С. Пушкина: об увеличении размера персональной пенсии Г. А. Пушкину и о назначении пенсии В. А. Константинович. Григорий Александрович приходится Александру Сергеевичу родным внуком, а Вера Анатольевна — двоюродной внучкой, ее родным дедом был Лев Сергеевич — брат поэта. В результате обсуждения дела были переданы на рассмотрение Комиссии по назначению персональных пенсий при СНК РСФСР³⁷.

Анализируя пенсионное обеспечение братьев и сестер умерших кормильцев, следует отметить, что пенсии по СПК, как правило, назначались малолетним родственникам. Примером обычного персонального обеспечения может служить дело красноармейца М. Я. Васильева. С ноября 1923 г. пенсия была назначена на его трех сестер 1907, 1911, 1913 г. р. и брата 1910 г. р.³⁸ Второй вариант назначения: протоколом заседания Центральной комиссии по назначению персональных пенсий и пособий от 12 января 1925 г. пенсия этого вида была установлена слепому брату народовольца (фамилия исправлена, исправление неразборчиво — О. К.)³⁹. Исходя из заслуг умершего революционера, участвовавшего в политической борьбе еще в XIX в., можно сделать вывод, что брат не являлся малолетним и причиной пенсионирования послужило его серьезное заболевание. Более интересно назначение в декабре 1926 г. пенсии сестре недавно умершего Ф. Э. Дзержинского — Ядвиге Эдмундовне (1879–1949 гг.). Я. Э. Дзержинская не была инвалидом (сведения о наличии у нее какой-либо группы инвалидности в изученных документах отсутствуют) и, как известно, имела дочь и двух внуков, которые в тот момент проживали отдельно. В деле помечено: «одинокая»⁴⁰.

³⁵ [Ходатайство народных артистов и заслуженных деятелей искусств об улучшении жизненных условий трех ближайших родственников Л. Н. Толстого] // ГАРФ. Ф. Р3316. Оп. 38. Д. 51. Л. 2.

³⁶ [Ходатайство В. Д. Бонч-Бруевича А. С. Енукидзе о назначении Н. М. Чернышевской-Быстровой персональной пенсии за заслуги деда] // ГАРФ. Ф. А539. Оп. 5. Д. 33. Л. 21.

³⁷ Выписка из протокола № 74 заседания Секретариата ВЦИК от 15 апреля 1933 г. // ГАРФ. Ф. Р3316. Оп. 35. Д. 1. Л. 1.

³⁸ Дело персонального пенсионера М. Я. Васильева // ГАВО. Ф. Р1166. Оп. 2. Д. 238. Л. 1–3.

³⁹ Протокол 1 Заседания Центральной Комиссии по назначению персональных пенсий и пособий от 12 января 1925 г. Л. 5 об.

⁴⁰ Акт обследования материального и имущественного положения Я. Э. Дзержинской // ГАРФ. Ф. А539. Оп. 5. Д. 28. Л. 5.

Кроме внуков, сестер и братьев выдающихся жителей России право на персональное пенсионное обеспечение могло быть предоставлено и их племянникам. В этом отношении показательны два примера. В 1937 г. в Секретариат ЦИК СССР поступило письмо от оперного артиста, музыкального педагога, персонального пенсионера Александра Николаевича Глинки-Измайлова, проживавшего в Смоленске, с просьбой об увеличении размера уже назначенной пенсии. О себе он писал следующее: «В настоящее время я старший из потомков основоположника нашей народной музыки композитора М. И. Глинки, его ближайший родственник, единственный оставшийся в живых родной племянник»⁴¹. К заявлению приложена справка от 16 февраля 1937 г. о выяснении обстоятельств назначения ему пенсии. Оказалось, что ходатайство о назначении А. Н. Глинке персональной пенсии было возбуждено на основании Постановления СНК СССР о лишении наследников русских композиторов права получения авторских⁴².

Если из дела Глинки-Измайлова видно, что пенсия ему назначена, то в документах бывшего сотрудника Пушкинского Дома Академии наук, географа Андрея Андреевича Достоевского — племянника писателя Ф. М. Достоевского — речь идет только о рассмотрении возможности ее установления. Менее чем за год до обращения за пенсией претендент наряду с известнейшими российскими историками был арестован по «Академическому делу»⁴³: «А. А. Достоевский в своем жизнеописании сообщает, что с преобразованием в ноябре 1930 года Пушкинского Дома в Институт новой русской литературы он был освобожден от работы в Пушкинском Доме и тогда арестован и что в феврале 1931 года тройкой ПП ОГПУ осужден на пять лет концлагеря, но через два месяца после приговора (в апреле 1931 года) был реабилитирован и возвращен на свободу с правом проживать в Ленинграде»⁴⁴. Несмотря на то что в октябре 1931 г. консультант высказался за назначение А. А. Достоевскому персональной пенсии, он назвал свое заключение условным, так как «при даче этого заключения имелось в виду, что Академия наук, представляя А. А. Достоевского к персональной пенсии, исследовала на месте вопрос о реабилитации последнего. Поэтому, если в Ученом комитете нет положительных сведений о мотивах постановления о пересмотре дела А. А. Достоевского, необходимо затребовать от ПП ОГПУ копию соответствующего постановления»⁴⁵. Позднее к делу была приобщена выписка из протокола заседания Секретариата ЦИК СССР № 27 от 13 декабря 1931 г. за подписью А. С. Енукидзе, в которой предлагалось «просить СНК СССР назначить пенсию А. А. Достоевскому на общем основании»⁴⁶. Скорее всего, персональная пенсия Андрею Андреевичу, который в свое время помог А. Г. Достоевской очистить имя писателя от обвинений в «ставрогинском» грехе, назначена не была,

⁴¹ [Заявление А. Н. Глинки-Измайлова в Секретариат ЦИК СССР об увеличении размера персональной пенсии] // ГАРФ. Ф. Р3316. Оп. 38. Д. 64. Л. 13–14.

⁴² [Справка о причинах назначения персональной пенсии А. Н. Глинке-Измайлову] // Там же. Л. 10.

⁴³ Перченко Ф. Ф. Дело «Академии наук» и «великий перелом» в советской науке // Трагические судьбы: репрессированные ученые Академии наук СССР. М., 1995. С. 212, 224.

⁴⁴ Заключение по ходатайству Академии наук Союза ССР о назначении персональной пенсии А. А. Достоевскому // ГАРФ. Ф. Р3316. Оп. 33. Д. 22. Л. 4 об.

⁴⁵ Там же. Л. 5.

⁴⁶ Выписка из Протокола № 27 от 13 декабря 1931 г. заседания Секретариата ЦИК СССР о назначении пенсии за выслугу лет А. А. Достоевскому // Там же. Л. 1.

но и совсем без пенсии его не оставили, хотя, как было подчеркнуто выше, размеры пенсий на общих основаниях были ниже персонально установленных.

Обозначив круг возможных получателей пенсии по СПК, необходимо разобратся с их нетрудоспособностью, которая являлась важнейшим условием назначения пенсии этого вида. Сразу нужно сказать, что дети априори считались нетрудоспособными, так как прием несовершеннолетних на работу в СССР допускался с 16 лет, лишь в исключительных случаях в ходе производственного обучения подростки могли работать с 15 лет. Именно поэтому шестнадцатилетний возраст и был оговорен в республиканском постановлении 1928 г. С установлением нетрудоспособности у взрослых претендентов на пенсионное обеспечение могли возникнуть проблемы. В середине 1920-х гг. в ходе исследования процесса старения был определен возраст нетрудоспособности, равный 60 годам для мужчин и 55 — для женщин⁴⁷, в 1930-х гг. именно этот возраст в СССР был признан в качестве пенсионного при назначении пенсий по старости на общих основаниях. Кроме этого, подтверждением стойкой нетрудоспособности становилось признание человека инвалидом.

Как уже было отмечено выше, в 1920-х гг. в СССР при оценке тяжести инвалидности применялась шестигрупповая классификация, разработанная врачом, одним из ведущих специалистов по вопросам социального страхования и обеспечения Н. А. Вигдорчиком. К первой группе относились инвалиды, «не только не способные к труду для заработка, но нуждающиеся еще в посторонней помощи для удовлетворения обычных жизненных потребностей»; ко второй — «инвалиды, неспособные ни к какому труду, дающему заработок, но не нуждающиеся в постоянном уходе»; к третьей — инвалиды, «не только вынужденные отказаться от своей обычной профессии, но и вообще не способные ни к какой регулярной профессиональной работе и могущие добывать средства к существованию лишь случайной, временной и при том легкой работой»⁴⁸. Четвертая группа предполагала переход к другой профессии более низкой квалификации; пятая — переход к другой профессии такой же квалификации и шестая — продолжение прежней деятельности, но с пониженной производительностью. Данная система определения тяжести инвалидности оказалась очень сложной в применении и с 1932 г. стала использоваться трехгрупповая классификация, которая сохраняется до сих пор (первая группа предполагает нетрудоспособность, требующую постороннего ухода, вторая — нетрудоспособность без постороннего ухода, а третья — частичную трудоспособность без какой-либо дополнительной детализации).

Итак, что сообщают нам источники о наличии трудоспособности у вышеназванных заявителей? Напомним, старшему сыну Л. Н. Толстого, Сергею Львовичу, на момент ходатайства работников культуры в 1935 г. исполнилось 72 года. Упомянутые в ходатайстве диагнозы внушек «циклотимия и ревматизмы» и «крайне слабое здоровье, что связано с болезнью сердца» не говорят о наличии у них инвалидности. Далее: на момент обращения в компетентные органы Я. Э. Дзержин-

⁴⁷ Ачаркан В. А. Обеспечение ветеранов труда в СССР. М., 1965. С. 50.

⁴⁸ О социальном обеспечении инвалидов: Декрет СНК РСФСР от 8 декабря 1921 г. // СУ РСФСР. 1921. № 79. Ст. 672.

ской исполнился 61 год⁴⁹, А. А. Достоевскому — 68 лет⁵⁰, А. Н. Глинке-Измайлову — 80⁵¹. В письме племянника композитора об увеличении размера пенсии читаем: «...я упал на улице... доктора предлагали мне беречь свои силы... за недостатком мне приходится занимать, чтобы уплачивать за обслуживание 50 руб. в месяц и другие необходимые расходы, не говоря уже о том, что нуждаюсь в теплой одежде, белье, обуви. У меня единственная надежда на тов. Калинина и на Совнарком, что они не оставят меня в таком тяжелом положении и назначат мне персональную пенсию в усиленном размере»⁵². Таким образом, за исключением внучек Л. Н. Толстого, у всех подтверждено наличие нетрудоспособности по возрасту. Позднее автору встретились документы о назначении А. И. Толстой-Поповой, 24 декабря 1888 г. р., персональной пенсии союзного значения в 1944 г., то есть по достижении установленного для женщин возраста нетрудоспособности 55 лет.

Наиболее неоднозначная ситуация сложилась с определением нетрудоспособности Н. М. Чернышевской. После двух операций ей была установлена инвалидность и назначена академическая пенсия⁵³, то есть первоначально она не была персональной. При этом Нина Михайловна продолжала работать в музее своего деда, или как писал В. Д. Бонч-Бруевич, «Н. М. Чернышевская является заведующей этим музеем и работает не покладая рук с утра до ночи»⁵⁴. Однако в Саратове при прохождении комиссии для назначения персональной пенсии, вероятно местного значения, она столкнулась с препятствиями. Сама Нина Михайловна описывала ситуацию так: «Сыр-бор загорелся после того, как я на вопрос “Желаете ли вы бросить службу и совсем перейти на пенсию?” ответила совершенно искренно: “Нет, я не могу уйти из музея, это мое детище, которое я организовала, и мне хотелось бы, как это было с моим отцом — получать пенсию и продолжать работать...” Председатель комиссии сказал, что на шесть месяцев они дадут мне третью группу инвалидности, но если я через шесть месяцев окажусь на той же самой службе и буду получать такую же ставку, то буду ими снята с пенсии. Теперь, значит, мне надо выбирать: или после 11-летнего заведывания музеем превращаться в научного сотрудника, или же остаться зав. музеем и продолжать налаженную работу, отказавшись от пенсии... я до сих пор не могу придти в себя...»⁵⁵. Что касается отца Н. М. Чернышевской — Михаила Николаевича — решение о назначении ему по-

---

⁴⁹ Акт обследования материального и имущественного положения Я. Э. Дзержинской. Л. 5.

⁵⁰ Заключение по ходатайству Академии наук... Л. 4 об.

⁵¹ [Ходатайство Всесоюзного комитета по делам искусств в Центральную комиссию по назначению персональных пенсий при СНК РСФСР об увеличении персональной пенсии А. Н. Глинке-Измайлову] // ГАРФ. Ф. Р3316. Оп. 38. Д. 64. Л. 6.

⁵² [Заявление А. Н. Глинки-Измайлова в Секретариат ЦИК СССР об увеличении размера персональной пенсии]. Л. 14.

⁵³ Личная карта лица, испрашивающего назначение персональной пенсии или пособия Комиссии по назначению персональных и академических пенсий и пособий при СНК РСФСР [за заслуги Н. Г. Чернышевского] // ГАРФ. Ф. А539. Оп. 5. Д. 33. Л. 1.

⁵⁴ [Ходатайство В. Д. Бонч-Бруевича А. С. Енукидзе о назначении Н. М. Чернышевской-Быстровой персональной пенсии за заслуги деда]. Л. 21.

⁵⁵ [Ходатайство В. Д. Бонч-Бруевича наркомом социального обеспечения РСФСР Наговицыну о расследовании издевательств, которому подверглась в Саратове внучка Н. Г. Чернышевского при прохождении комиссии для назначения персональной пенсии] // ГАРФ. Ф. А539. Оп. 5. Д. 33. Л. 11.

жизненной пенсии было принято 26 октября 1920 г. на заседании Малого Совнаркома по личному ходатайству В. И. Ленина⁵⁶.

На защиту Нины Михайловны встали В. Д. Бонч-Бруевич, П. И. Лебедев-Полянский («человек она весьма хороший»⁵⁷) и, что важно, председатель Комиссии по персональным пенсиям при СНК СССР С. И. Аралов: «Как-то выходит нескладно, что внучку Чернышевского Саратовская комиссия может лишить пенсии и кроме того заставляет ее бросить любимое и важное дело — сохранение музея Чернышевского»⁵⁸. В результате их обращений к наркому социального обеспечения РСФСР И. А. Наговицыну и А. С. Енукидзе, бывшему, кроме прочего, председателем Комиссии улучшения быта ученых, Н. М. Чернышевской с 1 декабря 1935 г. была назначена персональная пенсия республиканского значения, которую в ноябре 1943 г. заменили союзной.

После рассмотрения особенностей установления нетрудоспособности необходимо обратиться к проблемам иждивения (иначе — иждивенства или иждивенчества). Здесь нужно заметить, что даже во второй половине 1950-х гг. ученые-правоведы признавали, что «в литературе о государственных пенсиях вопрос об иждивенчестве не разработан»⁵⁹. Тем не менее в 1956 г. все основные используемые в советской юриспруденции характеристики этого понятия были закреплены в «Положении о порядке назначения и выплаты государственных пенсий», согласно которому члены семьи умершего считались «состоявшими на его иждивении, если они находились на его полном содержании или получали от него помощь, которая была для них постоянным и основным источником средств к существованию»⁶⁰. Эти же нормы применялись и в более раннее время. Отвлекаясь от юридических тонкостей, можно сказать, что нахождение на иждивении предполагает регулярное получение будущим пенсионером достаточного для жизни материального, в том числе денежного, содержания от умершего кормильца в период, непосредственно предшествующий смерти этого кормильца.

Прежде всего рассмотрим примеры, которые соответствуют этому определению. Так, в октябре 1927 г. решался вопрос о назначении пенсии семье умершего художника Поленова. В СНК РСФСР А. С. Енукидзе сообщал следующее: «Умерший недавно известный художник В. Д. Поленов получал от СНК пенсию в размере 150 рублей ежемесячно. Пенсия была ему назначена пожизненно... и она была главным средством существования его большой семьи. После Поленова осталась семья — старуха жена (больная) и дети. Они все живут при музее в усадьбе. Необходимо сделать распоряжение, чтобы пенсия была перенесена на жену В. Д. Поленова пожизненно, иначе вся семья будет голодать. О роли Поленова для русского искусства не буду говорить, а как к нему относится население видно, между про-

⁵⁶ Бабкин В. Ленинская забота о людях // Социальное обеспечение. 1975. № 4. С. 5.

⁵⁷ [Ходатайство П. И. Лебедева-Полянского председателю Комиссии по персональным пенсиям при СНК СССР о рассмотрении письма Н. М. Чернышевской] // ГАРФ. Ф. А539. Оп. 5. Д. 33. Л. 10.

⁵⁸ [Ходатайство Комиссии по назначению персональных пенсий при СНК СССР наркому социального обеспечения РСФСР Наговицыну о переводе внучки Н. Г. Чернышевского на персональную пенсию] // Там же. Л. 8.

⁵⁹ Семенова Т. Об иждивенчестве // Социальное обеспечение. 1957. № 12. С. 54.

⁶⁰ Положение о порядке назначения и выплаты государственных пенсий: Постановление Совета Министров СССР от 4 августа 1956 г. № 1044 // Социальное обеспечение в СССР. М., 1960. С. 36.

чим, из прилагаемой копии протокола общего собрания крестьян села Страхова по случаю смерти художника»⁶¹.

Вывод о подтвержденном иждивении можно сделать и в отношении сестры Ф. Э. Дзержинского. В 1926 г. в вышеупомянутой личной карте делается запись: «Тов. Дзержинский при жизни оказывал сестре ежемесячную помощь в сумме 30 рублей»⁶². Для установления пенсии 5 октября 1926 г. сотрудником социального обеспечения Добролюбовой было проведено обследование материального и имущественного положения Ядвиги Эдмундовны, на тот момент проживавшей в г. Новороссийске, по результатам которого составлен акт, имеющий следующее заключение: «При личном обследовании квартиры т. Дзержинской выяснила, что т. Дзержинская нуждается, живет в номере гостиницы. До сих пор жила на получаемые деньги от брата. Сейчас средств не имеет и нуждается в социальном обеспечении»⁶³. Косвенным свидетельством получения постоянной помощи от брата, хотя первоначально и не являвшейся определяющим доходом, служат исследования С. А. Кредова: «В 1923 году Ядвига Эдмундовна просит своего влиятельного брата, возглавляющего два наркомата и спецслужбу, устроить ее мужа на работу. Получает ответ: “Любимая Ядвигя! Должность (работу) твоему мужу дать не могу. Конечно, вам не очень сладко, поскольку твоя зарплата 300 рублей. Вероятно, смогу давать ежемесячно около 200 рублей”»⁶⁴.

Согласно исследуемым источникам, персональные пенсии могли быть назначены и за заслуги кормильцев, умерших за несколько лет, а то и десятилетий до назначения пенсий их родным. Кроме того, не может считаться иждивенцем человек, имеющий собственный достаточный для жизни доход. Вспомним, Н. М. Чернышевская работала заведующей музеем своего деда — русского писателя Н. Г. Чернышевского, умершего в 1889 г. А. Н. Глинка-Измайлов писал о себе: «Более 50 лет работал на оперно-артистическом и музыкально-педагогическом поприще в Москве, Смоленске и других городах... имею большой производственный стаж»⁶⁵. А. А. Достоевский в Пушкинском Доме «состоял научным сотрудником 1-го разряда с 1 ноября 1925 года по 16 ноября 1930 года... до этого Достоевский занимал разные должности и с 24 февраля 1903 года по 1915 год он состоял по избранию Ученым секретарем Государственного Русского географического общества»⁶⁶. Очень показательно в этом отношении письмо А. И. Толстой-Поповой, хотя и написанное в более поздний период: «Я никогда ни на чьем иждивении не была и хотела бы иметь возможность независимо дожить свои дни»⁶⁷. Принципиальное отсутствие иждивения мы также видим в случае установления с 1 августа 1935 г. Комиссией

⁶¹ [Ходатайство А. С. Енукидзе заместителю Председателя СНК РСФСР тов. А. М. Лежаве о перенесении персональной пенсии на жену В. Д. Поленова] // ГАРФ. Ф. Р3316. Оп. 32. Д. 251. Л. 3–4.

⁶² Личная карта инвалида, испрашивающего назначение персональной пенсии или пособия Центральной комиссии по назначению персональных пенсий и пособий НКСо [за заслуги Ф. Э. Дзержинского]. Л. 1.

⁶³ Акт обследования материального и имущественного положения Я. Э. Дзержинской. Л. 5 об.

⁶⁴ Кредов С. А. Дзержинский. С. 311.

⁶⁵ [Заявление А. Н. Глинки-Измайлова в Секретариат ЦИК СССР об увеличении размера персональной пенсии]. Л. 13.

⁶⁶ Заключение по ходатайству Академии наук... Л. 4.

⁶⁷ Заявление А. И. Толстой-Поповой в правление литературного фонда ССП // ГАРФ. Ф. А539. Оп. 5. Д. 35. Л. 7.

при СНК РСФСР персональной пенсии матери убитого кулаками пионера Павла Морозова — Т.С. Морозовой⁶⁸.

Подводя первые итоги, можно сказать, что зачастую пенсионное обеспечение потомков и родственников наших выдающихся соотечественников производилось без подтверждения их иждивения по отношению к умершему кормильцу. Однако отсутствие иждивения у многих претендентов на персональное пенсионное обеспечение компенсировалось их собственными трудами и личным вкладом в сохранение памяти своих именитых родственников. В.Д. Бонч-Бруевич писал А.С. Енукидзе: «Н.М. Чернышевская замечательна тем, что она произвела огромное исследование рукописей своего гениального деда, собрала множество его произведений и автографов и все это целиком и полностью бесплатно, как она, так и ее отец пожертвовали нашему государству. Весь этот колоссальный архив находится в Саратове в доме-музее, где жил Чернышевский... только она одна может многое расшифровать и комментировать из литературного наследства Чернышевского, что до сих пор не разобрано, не расшифровано, не прокомментировано... ею напечатано свыше 30 больших работ и подготовлено к печати 26 работ; готовится же к печати 3 работы, так что всего ею сделано настоящих научных работ 59...»⁶⁹

А.Н. Глинка-Измайлов излагал следующие факты: «В 1928 г. мною переданы собранные и сохраненные мною вещи М.И. Глинки в Смолгосмузей в количестве 44 предметов: мебель, зеркала, посуда, портреты, целая коллекция фотографий, ноты и т. д. ... за которые заграничные музеи давали мне большие деньги, но я сохранил их для родины»⁷⁰. К ходатайству о назначении пенсии А.А. Достоевскому была приложена характеристика его работ, составленная Президиумом Академии наук⁷¹. О С.Л. Толстом деятели искусств сообщали: «...композитор. Занимается также литературной работой, подготавливая к печати дневники матери и другие материалы по Толстому»⁷². А.И. Толстая-Попова писала о себе: «С 1927 г. работаю по Толстому (см. томы юбилейного издания № 3, 7, 17, 83, 84; Письма С.А. Толстой к Л.Н. Толстому. Изд. 1936 г.)»⁷³. При этом Анна Ильинична весьма субъективно понимала специфику персональных пенсий: «С 1944 г. я получаю персональную пожизненную пенсию в 400 р.: 300 р. за родство с Л.Н. Толстым (внучка) и 100 р. за родство с М.Ю. Лермонтовым (моя мать Софья Николаевна Толстая, рожд. Философова, внучатая племянница Елизаветы Алексеевны Арсеньевой)»⁷⁴.

Даже Я.Э. Дзержинская, реально получавшая материальную помощь от своего брата, оставила небольшие воспоминания о жизни «железного» наркома, в частности, ей принадлежит известное свидетельство о бескомпромиссности Феликса

⁶⁸ О персональной пенсии матери пионера Павлика Морозова // ГАРФ. Ф.Р3316. Оп.28. Д. 578. Л. 1.

⁶⁹ [Ходатайство В.Д. Бонч-Бруевича о назначении Н.М. Чернышевской персональной пенсии за заслуги деда]. Л. 21.

⁷⁰ [Заявление А.Н. Глинки-Измайлова в Секретариат ЦИК СССР об увеличении размера персональной пенсии]. Л. 13.

⁷¹ Заключение по ходатайству Академии наук... Л. 4.

⁷² [Ходатайство народных артистов и заслуженных деятелей искусств об улучшении жизненных условий трех ближайших родственников Л.Н. Толстого]. Л. 2.

⁷³ Заявление А.И. Толстой-Поповой в правление литературного фонда ССП // ГАРФ. Ф. А539. Оп. 5. Д. 35. Л. 7.

⁷⁴ Там же.

Эдмундовича, который выбросил в окно испеченные сестрой олады, узнав, что мука для них куплена у спекулянта⁷⁵.

Таким образом, круг родственников выдающихся граждан, имеющих общесоюзную известность, был значительно шире круга, предусмотренного для «обычных» получателей персональных пенсий, включая наряду с детьми, супругами и родителями взрослых сестер, братьев, внуков и даже племянников. При этом наличие нетрудоспособности, полной или частичной, так или иначе подтверждалось (достижением определенного возраста или, как в случае с Н. М. Чернышевской, наличием группы инвалидности). Что же касается иждивения, то оно во многих случаях не доказывалось, допуская при решении вопроса о пенсионировании учет личных заслуг претендентов.

На вопрос, почему для потомков наиболее выдающихся деятелей культуры, науки или революционного движения были сделаны такие «послабления», очень хорошо ответил в своем заключении о праве на пенсию А. А. Достоевского консультант Елинер: «Поскольку же А. А. Достоевский является не только работником, особые заслуги которого признаны высшим научным учреждением страны, но и носит имя <писателя> прославленное и как культурная гордость страны, и как мученика за свободу, поскольку то и иное разрешение вопроса получает уже не только юридическое, но и политическое значение: акт справедливости по отношению к работнику, до потери сил трудившемуся, сливается с актом посмертной признательности великому писателю и мученику за свободу со стороны высшего выразителя общественного мнения первой в мире социалистической страны. Этот акт по своему исключительному характеру не должен быть связан обычными рамками законов, что отнюдь не противоречит общему смыслу закона о персональных пенсиях. Само понятие персональной пенсии предполагает индивидуальный подход, и закон, перечисляя категории персональных пенсионеров, прямо предоставляет Совнаркому Союза ССР возможность расширения этих категорий»⁷⁶.

В заключение необходимо сказать, что предоставление персонального пенсионного обеспечения потомкам и родственникам граждан, имевших выдающиеся заслуги перед Советским государством и к тому же общесоюзную известность, было, по сути, одним из способов чтить их память.

References

- Azarova E. G. Pension Provision for Children who Have Lost Their Breadwinner, Peculiarities of Legal Regulation. *Zhurnal rossiiskogo prava*, 2017, no. 8, pp. 112–127. (In Russian)
- Andrianova I. S. “Slander of Strakhov”, or the Protest of Dostoevsky’s Widow and Nephew. *Neizvestnyi Dostoevskii*, 2015, vol. 2, no. 3, pp. 84–95. (In Russian)
- Acharkan V. A. *Provision of Labor Veterans in the USSR*. Moscow, Nauka Publ., 1965, 160 p. (In Russian)
- Babkin V. Lenin’s Care for People. *Sotsial’noe obespechenie*, 1975, no. 4, pp. 3–6. (In Russian)
- Bratanovskaia M. S. Legal Organization of Social Security Management in the USSR in the Pre-War Period (1918–1941). *Istoriia gosudarstva i prava*, 2010, no. 19, pp. 5–9. (In Russian)
- Dzerzhinskaia Ia. E. Our Felix. *Knight of the Revolution. Memories of Contemporaries about Felix Edmundovich Dzerzhinsky*. Moscow, Izd-vo Politicheskoi Literatury Publ., 1967, pp. 107–109. (In Russian)

⁷⁵ Дзержинская Я. Э. Наш Феликс // Рыцарь революции. М., 1967. С. 109.

⁷⁶ Заключение по ходатайству Академии наук... Л. 4 об. — 5.

- Kartskhiia A. Legal Issues of Personal Old-age Pensions. *Voprosy sotsial'nogo obespecheniia*, 1968, iss. II, pp. 66–72. (In Russian)
- Kredov S. A. *Dzerzhinsky*. Moscow, Molodaya Gvardiya Publ., 2013, 359 p. (In Russian)
- Mamiachenkov V. N. Personal Pensions in the USSR: from the History of Social Policy of the Soviet State. *Nauchnyi dialog*, 2018, no. 12, pp. 393–398. (In Russian)
- Matsneva N. G. Polenovs — Lawyers, Artists, Academicians. *Peterburgskii iurist*, 2017, no. 3, pp. 151–162. (In Russian)
- Met'iuiz M. The Emergence of the System of Privileges in the Soviet Union. *Voprosy istorii*, 1992, no. 2–3, pp. 45–61. (In Russian)
- Naumov O. N. Pushkins and Soviet Power (Experience of Socio-Genealogical Discourse). *Klio*, 2017, no. 5, pp. 105–114. (In Russian)
- Perchenok F. F. The Case of the “Academy of Sciences” and the “Great Turning Point” in Soviet Science. *Tragicheskie sud'by: repressirovannye uchenye Akademii nauk SSSR*. Moscow, Nauka Publ., 1995, pp. 201–235. (In Russian)
- Podsvirova L. F. The Military Roads of the Descendants of L. N. Tolstoy in 1914–1918. *Otradnenskie istoriko-kraevedcheskie chteniia*, 2014, iss. II, pp. 27–31. (In Russian)
- Poslushaev P. P. “My Ardent Desire Was, is and Will be...” From the Correspondence of N. M. Chernyshevskaiia with Russian Historians. 1946–1972. *Istoricheskii arkhiv*, 2011, no. 3, pp. 105–109. (In Russian)
- Rat'kovskii I. S. The Roots of “Iron Felix”: on the Origin of F. E. Dzerzhinsky. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv*, 2015, no. 3, pp. 13–22. (In Russian)
- Semenova T. About Dependency. *Sotsial'noe obespechenie*, 1957, no. 12, pp. 54–58. (In Russian)
- Sivakova I. V. *Pension Legislation in Russia during the Soviet Period (1917–1928)*. Moscow, Prospekt Publ., 2015, 208 p. (In Russian)
- Sudnitsyn I. I. Living Tree: in the Year of Russian History about the Descendants of M. V. Lomonosov. *Prostranstvo i vremia*, 2012, no. 4, pp. 119–125. (In Russian)

Статья поступила в редакцию 11 февраля 2019 г.

Рекомендована в печать 12 марта 2021 г.

Received: February 11, 2019

Accepted: March 12, 2021